

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ АЛЛЮЗИИ И БИБЛЕЙСКИЕ ПРИТЧИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Адеева Мадинахон Абдимуталипжоновна
студентка 4-го курса филологического факультета
Ферганского государственного университета
Научный руководитель: **Сабиров Немат Казакбаевич**

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

ИСТОРИЯ СТАТЬИ:

Received: 08.01.2026

Revised: 09.01.2026

Accepted: 10.01.2026

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

*Достоевский; Братья
Карамазовы; евангельские
аллюзии; притча;
интертекстуальность..*

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена анализу трансформации и функционирования евангельских сюжетов, образов и притч в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», который насыщен библейскими аллюзиями, составляющими важнейшую смыслообразующую основу произведения.

В рамках исследования рассматриваются ключевые притчевые мотивы: эпитафия о пшеничном зерне (Ин. 12:24), задающий тему воскресения и нравственного подвига; легенда о луковке как символ соборного спасения; а также интерпретация топонима Скотопригоньевск как аллюзии на Притчу о Страшном суде. (Мф. 25:31-46)

Введение

Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» является итоговым и самым сложным созданием писателя, увенчивающим его знаменитое «пятикнижие» и синтезирующим фундаментальные проблемы всего предшествующего творчества. Это произведение, написанное зрелым художником и мыслителем, поражает религиозным откровением и последовательным христианским мировоззрением. Достоевского невозможно понять без осознания той исключительной роли, которую сыграло Евангелие в его творчестве и жизни. Он не расставался с этой книгой ни на

каторге, ни в последующие годы, видя в Священном Писании «изваяние мира и человека и характеров человеческих», где «названо все и указано на веки веков».

Обращение к библейской тематике, вплетение евангельских мотивов и сюжетов в произведение составляют важнейшую смыслообразующую основу «Братьев Карамазовых». Евангельская традиция была обозначена в черновых набросках к роману как главная.

Достоевский использует Евангелие как первооснову, сквозь которую осмысливается весь событийный ряд «Братьев Карамазовых». Так каждое происшествие романа воспринимается как современное преломление вечных истин священной истории. Его художественный метод — христианский реализм — заключён в способности автора распознавать в привычной реальности отблеск вечного бытия.

Центральной темой романа, заданной эпиграфом о пшеничном зерне, является «воскресение». Духовный поиск героев сосредоточен на разрешении «вековечных» «коренных вопросов о первопричинах и конечных целях бытия», таких как «есть ли Бог, есть ли бессмертие?». Этот поиск, происходящий в «драме идей», ведет героев сквозь «горнило сомнений» к обретению высшей правды.

Цель данной статьи — показать, каким образом евангельские притчи и библейские аллюзии, являясь базовым текстом романа, становятся основой духовного поиска героев и художественной поэтики произведения. Для этого в работе анализируются притчевые и идейные эпизоды произведения, включая его эпиграф, басню о луковке, символизирующую милосердие, а также анализируется символика топонима Скотопригоньевск (отсылающая к Притче об овцах и козлах).

1. Эпиграф и основополагающая евангельская притча

Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» начинается с эпиграфа, который сразу задает его смысловые параметры [1]. Эпиграф представляет собой цитату из Евангелия от Иоанна (гл. XII, ст. 24):

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

Этот евангельский текст является эмблематическим и определяет главную тему всего произведения — воскресение. Он выражает закон всякого здорового развития [2].

Смысл притчи о зерне

Притча о пшеничном зерне, которое должно умереть, чтобы принести плод, указывает на два кардинально противоположных жизненных пути и итога:

1. Путь бесплодного одиночества («останется одно»).
2. Путь обильного плодоношения, достигнутого через смерть и самопожертвование.

В этих словах Христос свидетельствует о том, что пришел час Его заклания за весь род человеческий, что Ему нужно умереть, чтобы победить смерть и вновь родить людей в жизнь вечную. Идея, заключенная в эпитафье, — это идея креста, или отвержения себя ради будущего воскресения и спасения.

Достоевский рассматривал Библию как «изваяние мира и человека и характеров человеческих, и названо все и указано на веки веков», а его эпитафа функционирует как прототекст, придающий временным событиям вечный смысл [3].

Повторение и применение в романе

Слова эпитафы «Братьев Карамазовых» не только предваряют роман, но и дважды повторяются в тексте, становясь призывом к подвигу покаяния. В речах старца Зосимы идея эпитафы разъясняется как идея креста и отвержения себя.

1. Применение к Дмитрию Карамазову: Впервые Зосима цитирует этот стих, обращаясь к Алёше, убеждая его найти Дмитрия. Старец объясняет, что он поклонился Дмитрию накануне, предвидя его «великому будущему страданию». Таким образом, судьба Дмитрия, его падение и восстание, является аллюзией на смерть и Воскресение Христа, а сам эпитафа предсказывает, что он принесет плод. Духовное обновление Мити начинается с осознания всеобщей вины («За дитё и пойду. Потому что все за всех виноваты») [4], что и является развернутым толкованием лаконичного евангельского текста.

2. Применение к Таинственному посетителю: Второй раз Зосима приводит этот стих Таинственному посетителю [5] как призыв к покаянию, которое в контексте романа понимается как полная перемена жизни. Зосима, который сам прежде был светским человеком (Зиновием), вспоминает слова своего умершего брата Маркела, которые стали «зерном», лежавшим глубоко в земле, и побудили его к преображению в Зосиму. Зосима, объясняя эти слова, говорит, что их написал Дух Святой.

Идея креста, о которой говорится в эпитафье, фигуративно связывает в романе Маркела, старца Зосиму, таинственного посетителя, Алёшу и Илюшечку.

Сам Достоевский, стоя перед картиной Гольбейна «Мертвый Христос», увидел в ней не только центральный образ романа «Идиот», но и зерно, умершее, чтобы прорасти — эпитафия к «Братьям Карамазовым». Таким образом, эпитафия, вводя тему Воскресения, задается как задание тексту, организуя его внутренний ритм.

2. Басня о луковке и милосердие как путь спасения

«Басня о луковке» (или легенда) занимает одно из ключевых мест в романе, поскольку символизирует возможность спасения души через милосердие [6]. Достоевский высоко ценил этот народный рассказ, который он считал «драгоценностью», записанной им «со слов одной крестьянки».

Контекст эпизода

Рассказ о луковке звучит в критический момент духовного поиска младшего Карамазова — Алёши. Алёша переживает тяжелый кризис веры, вызванный смертью и разложением тела старца Зосимы («тлетворный дух»), что казалось ему отрицанием высшей справедливости. В состоянии упадка духа и смущения, Алёша идет к Грушеньке, надеясь найти «злую душу».

Грушенька, которую Алёша искал, чтобы «проглотить» его, в этот момент сама находится в сильном нервном возбуждении. Когда она узнаёт от Алёши о смерти старца Зосимы, она набожно крестится и в испуге соскакивает с его колен. Грушенька ощущает стыд за свои дурные помыслы и стремится покаяться.

Содержание и символика притчи

Грушенька рассказывает историю о «бабе злойшей-презлойшей», которая умерла, не оставив после себя «ни одной добродетели». Ангел-хранитель, вспоминая, что однажды эта баба «луковку выдернула и нищенке подала», просит Бога дать ей шанс на спасение.

Бог отвечает: «возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вон из озера, то пусть в рай идет».

Когда ангел уже почти вытянул бабу, за нее стали цепляться другие грешники из огненного озера. Но злойшая баба стала брыкаться их ногами, крича: «Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша». Как только она это выговорила, луковка порвалась, и баба упала обратно в озеро [7].

Главный смысл притчи в том, что по-настоящему человеку принадлежит только то, что он отдал. Отданная вещь приобретает сверхматериальное бытие, поскольку она становится связью, соединяющей личности в единство, которое и есть рай.

Луковка является символом милосердия, добра, веры и любви, и она указывает на возможность спасения души, находящейся на краю гибели, даже через самое малое доброе дело.

Проблема апокатастасиса и самость

Басня о луковке прямо связана с проблемой апокатастасиса (всеобщего восстановления и спасения). Достоевский показывает, что спасение невозможно индивидуальным путем.

- Луковка обрывается, потому что баба, даже получив шанс на спасение, проявляет те же свойства, что и при жизни: эгоизм и нежелание спасать других. Произнеся «Моя луковка, а не вапша», она вновь присвоила себе отданную добродетель, и она рассыпалась прахом, перестав быть осуществленной связью.

- Таким образом, в ад попадают «неспособные к восстановлению, к воссоединению со всеми». Как только человек решает спастись «отдельно», «сами», все его добродетели рассыпаются, и он падает в огненное озеро, зажигая «неугасимый огонь на границах своей восставшей самости».

Духовное преображение героев

Грушенька, отождествляя себя со злой бабой, исповедует, что «всего-то я луковку какую-нибудь во всю жизнь мою подала». Это признание, сделанное в «аллегорической форме», и ее почтение к памяти Зосимы восстанавливают душу Алёши.

Алёша, отвечая Грушеньке с нежностью, говорит, что это он подал ей «одну самую малую луковку, только, только». Алёша, который пришел, потому что был «подл и зол», называет Грушеньку «сестру искреннюю, нашел сокровище — душу любящую». Алёша «взамен искушения» обретает в себе силы к новой жизни, осознав, что Грушенька «пощадила» его и «восстановила» его душу.

Вскоре после этого, в главе «Кана Галилейская», Алёше является в видении воскресший старец Зосима [8]. Зосима, сидящий на брачном пиру, подтверждает истинность притчи: «Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке». Он также обращается к Алёше: «И ты, тихий, и ты, кроткий мой мальчик, и ты сегодня луковку сумел подать алчущей».

Таким образом, мотив луковки объединяет в единую систему образов Грушеньку, Алёшу и Зосиму, утверждая идею всеобщей совиновности и взаимного спасения. Спасение достигается не прямолинейной логикой, а деятельной любовью.

3. Притча о «овцах и козлах» и символизм Скотопригоньевска

Город, в котором разворачивается основное действие романа, носит говорящее название Скотопригоньевск. Это название не случайно и отсылает к конкретным старорусским впечатлениям Достоевского, так как на Центральной Торговой площади Старой Руссы (где жил писатель), на берегу речки Малашки, располагался Конный рынок, где шла оживленная торговля скотом.

Однако в художественном контексте романа, насыщенного евангельскими аллюзиями, это название приобретает глубокий символический смысл. Название Скотопригоньевск прямо связано с темой скота и стада, что, в свою очередь, отсылает к евангельской теме суда и разделения.

Ассоциации с Притчей о Страшном суде

Название города, где происходит завязка и финал романа, символически предвещает драму духовного выбора и окончательного разделения.

В контексте проблематики романа, одержимого темой Ада и Суда Божьего, название Скотопригоньевск немедленно вызывает ассоциации с Притчей о Страшном суде (Мф 25:31-46), где Христос отделяет овец от козлов. Эта притча символизирует последнее, грозное разделение человечества, когда праведники войдут в жизнь вечную, а грешники – в муку вечную.

«Стадо» и «Козел отпущения»

Идея «скота» и «стада» используется в романе для обозначения человечества, которое, по мнению «сверхлюдей», слишком слабо для свободы и лишено возможности спасения.

- В поэме «Великий инквизитор» Иван Карамазов цитирует «прозрения» Инквизитора, который считает, что из «жалких бунтовщиков» никогда не выйдет «великанов для завершения башни», и что великий идеалист (Инквизитор) не мечтал о гармонии «не для таких гусей». Термины «гуси» или «стадо» используются для обозначения масс, которые, по мнению Инквизитора, не могут вынести свободу и должны быть организованы в стадо для их же счастья.

- Напротив, Алёша утверждает идею истинного братства (соборности) среди двенадцати мальчиков «у камня» в эпилоге.

Кроме того, городское название и его привязка к скоту связаны с мотивом Козла отпущения (на которого возлагались грехи общины перед изгнанием в пустыню).

- Исследователи отмечают, что Смердякова герои и читатели «объективируют, лишают субъектности», и он выступает в роли «брата, ставшего козлом отпущения».
- Сам Иван Карамазов использует презрительное слово «смерды» для обозначения тех, кто может его судить на общественном суде. Его презрительное отношение к суду толпы есть предельное овеществление людей вокруг себя, попытка лишить их субъектности, пока его самого не овеществили.

Таким образом, название Скотопригоньевск выполняет роль эмблематической подписи, которая, подобно евангельскому эпиграфу, указывает на вековечный смысл происходящего в мире. Город, в котором действуют братья Карамазовы, символически становится местом, где происходит суд — как человеческий (суд над Митей), так и духовный, требующий от каждого героя выбора между «отъединением капиталом» (путь гордых и отвергающих Христа) и «общением» (путь милосердия и братства).

Художественный мир Достоевского подобен старому зеркалу, в котором современные криминальные истории и философские споры отражаются на фоне извечных в вечности событий священной истории. Название Скотопригоньевск — это своего рода рамка этого зеркала, напоминающая, что за каждой земной коллизией скрывается вечная драма Суда и Спасения, где человечество должно выбрать, стать ли ему «овцами» или «козлами».

Вывод

Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» выступает в качестве христианского метаромана, в котором евангельские сюжеты и мотивы функционируют как прототекст, придающий временным событиям вечный смысл. Диалог с евангельским словом осуществляется Достоевским не только на идейном и образном, но и на жанровом и мотивном уровнях текста.

Основная мысль произведения, закон бытия, заключена в эпиграфе об умирающем пшеничном зерне, которое должно погибнуть, чтобы принести много плода, утверждая тем самым центральную тему воскресения. Этот эпиграф, функционирующий как эмблематическая подпись, призывает к подвигу покаяния и отвержения себя ради спасения.

Идея соборного спасения и милосердия воплощена в «Басне о луковке», раскрывающая идею всеобщей совиновности, где даже малое доброе дело — луковка — является достаточным для обретения места на пире.

Название города Скотопригоньевск символически отсылает к Притче о Страшном суде и разделению на овец и козлов, предвещая драму духовного выбора.

«Братья Карамазовы» — это гимн свободе и восстановление свободы в Истине, то есть во Христе, с надеждой, что человек сможет найти свою высшую идею — идею о бессмертии души.

Список литературы

1. Касаткина Т. Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Т. Касаткина. — Москва: Наука, 2007. — 685 с.
2. Булгаков С. Н. Иван Карамазов (в романе «Братья Карамазовы») как философский тип: Публичная лекция / С. Н. Булгаков. — С. 29.
3. Касаткина Т. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского / Т. Касаткина. — Москва: ИМЛИ РАН, 2015. — 356 с.
4. Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы» / В. Е. Ветловская. — Москва: Наука, [б.г.]. — 157 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. Братья Карамазовы. Книги I–X / Ф. М. Достоевский; Гл. ред. Г. М. Фридлендер. — Л.: Наука, 1976. — 282 с.
6. Костенко Е. В. «Легенда о Луковке» как символ милосердия / Е. В. Костенко // ГИСДВ. — 2009. — № 4. — С. 1. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/legenda-o-lukovke-kak-simvol-miloserdiya> (дата обращения: 03.12.2025).
7. Касаткина Т. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского / Т. Касаткина. — Москва: ИМЛИ РАН, 2015. — 350 с.
8. Касаткина Т. А. Пунктуация как художественный прием: к проблеме текстологии произведений Ф. М. Достоевского в XX в. / Т. А. Касаткина. — Москва: ИМЛИ РАН, 2005. — 18 с.